

Е. А. Игишева, М. А. Клинова

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ СОВЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ НЭПА: СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ*

УДК 930(470)«1921/1931»

ББК 63.3(2)613

В статье отмечается междисциплинарный характер темы, выделяются подходы к ее изучению. Делается вывод о том, что наиболее разработаны вопросы отношения граждан к экономической политике страны, включая протестное движение; проблемы уровня жизни людей. Изучение темы на региональном уровне существенно уступает центральным исследованиям, что не позволяет выявить эволюцию и локальные особенности экономических суждений и стратегий поведения населения. В освещении быта населения, наоборот, доминируют региональные работы. Степень репрезентативности источниковой базы темы в основном определяется «классическими» источниками: статистикой, материалами бюджетных обследований. Необходимо активизировать использование источников личного происхождения: писем, жалоб, дневников. Перспективным также представляется изучение взаимообусловленности уровня жизни населения в годы нэпа и выбора экономических стратегий поведения, стереотипов и культуры потребления населения города и деревни.

Ключевые слова: *российская история, нэп, экономические взгляды, история повседневности, историография, экономические стратегии поведения*

Сегодня в исторической науке происходит смещение акцентов исследовательского интереса от экономического и политического развития советского государства в годы нэпа и его проекции на «массы» к рассмотрению человека как актора с его ценностной системой координат и мировоззренческой позицией, определяющей вектор его деятельности в неустойчивой и изменчивой социальной среде. Такой исследовательский ракурс позволяет не только более объективно оценить эффективность социальной политики государства, выявить ее последствия, но и реконструировать специфический уклад повседневной жизни советских граждан.

Игишева Елена Анатольевна — д.и.н., профессор кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)
E-mail: teapoliz103@mail.ru

Клинова Марина Александровна — к.и.н., доцент кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)
E-mail: klinowa.m@yandex.ru

* Исследование выполнено по гранту РГНФ № 14-11-66006 «Экономические представления и модели поведения уральского населения (1917–1991 гг.)»

Обращение к изучению заявленной в статье темы предполагает расширение методологических основ, спектра методического инструментария исследований, а также более широкую трактовку понятия «исторический источник». На современном историографическом этапе данная проблема достаточно успешно решается путем междисциплинарных разработок. В частности, междисциплинарного подхода требует определение самого объекта исследования — сферы экономических представлений и стратегий поведения населения. Данные категории получили теоретическое обоснование в экономике, экономической социологии, социальной психологии, философии, в то время как в исторических и историко-социологических работах при достаточно высоком градусе исследовательского интереса к эмпирическому освещению данной проблематики не разработаны четкие теоретические рамки означенных понятий. С учетом опыта смежных дисциплин под экономическими представлениями населения мы будем понимать комплекс субъективных психологических установок, включающих отношение граждан к экономической политике государства, к собственности, богатству, бедности, труду и определяющих специфику личного выбора в сфере потребления. Экономические стратегии поведения населения мы будем

определять как деятельность граждан, которая является следствием рационального выбора, обусловленного экономическим сознанием, традициями и социальными стереотипами индивидов и групп, и реализуется в социально-экономической сфере — в системе экономических и социальных институтов, в практиках повседневной деятельности.

Ограничение рамок исследования периодом нэпа не случайно. В эти годы в нашей «стране происходили важные экономические эксперименты, которые сопровождалась бурными социальными и политическими потрясениями».¹ Период нэпа стал переломной эпохой, парадоксально соединившей в себе черты старого и нового быта, отправной точкой формирования новой советской повседневности. Сформировавшиеся в данный период экономические стереотипы и поведенческие модели, несмотря на последующие трансформации, сохраняли стабильность в качестве системообразующего мировоззренческого комплекса советского населения. Все это обуславливает особый исследовательский интерес к социокультурным и социально-психологическим процессам, происходившим в советском социуме в 1920-е гг.

Тема экономических представлений и поведенческих стратегий советского населения в годы нэпа достаточно широко представлена в современных исследованиях. Некоторые сюжеты получили свое историографическое освещение². В то же время отсутствует комплексный историографический анализ проблемы, попытка которого предпринята в настоящей статье.

Значительное число исследований посвящено отношению различных категорий граждан к новым экономическим реалиям периода нэпа (частной торговле, предпринимательству, концессиям, «нэпманам» и т. п.). Данные работы позволяют более ярко выявить экономические стратегии поведения советских граждан, степень принятия или отрицания советским социумом не только реалий нэпа, но и определенных моделей поведения, формированию и развитию которых способствовал нэп.

Особое положение занимают работы, посвященные первым годам нэпа, скорее даже

переходному периоду, который характеризовался высоким накалом общественных настроений, недовольством прежде всего сельского населения экономическими мероприятиями власти. Социальная напряженность в деревне, открытые протесты крестьян в 1921–1922 гг. стали объектом исследования И. В. Курышева, В. В. Московкина, А. И. Нарского, Л. Ю. Петряниной, В. С. Познанского.³ Авторы приходят к выводу о том, что такая реакция стала частью стратегии выживания населения.

Специальные исследования посвящены проблеме голода начала 1920-х гг., а также различным поведенческим стратегиям голодающего населения. Так, горожане пытались устроиться на службу в советские учреждения для получения продовольственных карточек, обращались за помощью в госструктуры, продавали личные вещи, переезжали в другие города. Крестьяне, находившиеся, по мнению исследователей, в пик голода в более тяжелом положении, чем рабочие, действовали более агрессивно — нападали на железнодорожные составы, продовольственные амбары, мельницы и ссыпные пункты.⁴ По справедливому замечанию В. В. Кондрашина, стереотипы поведения людей во время голода не всегда гуманны, но глубоко рациональны, так как направлены на выживание и сохранение наиболее дееспособных, готовых к продолжению хозяйственной деятельности.⁵

Детальный анализ проблематики голода в его социально-психологическом измерении дан в работах И. Б. Орлова.⁶ Проанализировав

¹ Камынин В. Д., Цыпина (Игишева) Е. А. Проблемы политической и экономической истории Урала в 20-е годы XX века в отечественной историографии. Екатеринбург, 2004. С. 3.

² См.: Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008; Тарасенко В. Н. Быт периода нэпа: борьба старого и нового (историографические заметки) // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 161–171

³ Курышев И. В. Крестьянское восстание 1921 года в Ишимском уезде: облик и поведение участников // Коркина слобода: историко-краеведческий альманах. 2001. Вып. 3. С. 22–35; Московкин В. В. Восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 году // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 46–65; Нарский А. И. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; Петрянина Л. Ю. Отношение крестьянства Среднего Поволжья к советской власти в период новой экономической политики // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 96. С. 58–62; Познанский В. С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е гг. XX в. Новосибирск, 2007.

⁴ См.: Федотова А. Ю. Голод 1921–1923 гг. (к психологии восприятия) // Историческое краеведение в Татарстане: материалы науч. конф. Казань, 2004. С. 14, 15.

⁵ См.: Кондрашин В. В. Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы междунар. конф. М., 1996. С. 121, 122.

⁶ Орлов И. Б. «Сытый голодному не разумеет»: проблема выживания в «письмах во власть» (1917–1927) // Армагеддон: актуальные проблемы истории, философии, культурологии. М., 1999. С. 85–96; Он же. Голодные годы в России и исторические механизмы социальной адаптации // Человек в российской повседневности. М., 2001. С. 147–156; Его же. Советская повседневность...

значительный массив источников, автор воссоздал широкий спектр крестьянских поведенческих моделей выживания (попрошайничество, обращение во властные структуры, отход на заработки, мешочничество, миграция, распродажа имущества, употребление суррогатов, грабежи и т. д.). И. Б. Орлов справедливо замечает, что «на деле выбор одной из поведенческих альтернатив определялся сложным переплетением доминирующих потребностей, архетипов коллективного бессознательного, а также иерархией базовых ценностей и детерминированной последними системой мотиваций».⁷ В целом, по мнению И. Б. Орлова, голод начала 1920-х гг. резко изменил психику и поведение людей, катализируя процессы нравственной и социальной деградации, что проявилось в росте преступности, вымогательства и взяточничества.

Процессы, происходившие в годы нэпа в деревне, получили отражение также в работах Д. Х. Ибрагимовой, А. К. Соколова, О. Ю. Яхшияна.⁸ Историки отметили, что крестьяне негативно отнеслись к оживлению частного предпринимательства. Это проявилось в неприязни к кооператорам, «новой буржуазии», «богатеям», стремившимся к «легкой наживе», а также во враждебности некоторых крестьян к тем, кто занимался отходничеством или сдавал землю в аренду. Особенно болезненно воспринималось в крестьянской среде усиление имущественной дифференциации, которое, по замечанию О. Ю. Яхшияна, нарушало архетипически присущее крестьянам представление о равенстве, о физическом труде как первоисточнике имущественных прав.⁹ По мнению С. А. Есикова, именно крестьянская общинная психология, наряду с большевистскими доктринальными установками, не давала «рынку, как и нэпу в целом, шансов утвердиться “всерьез и надолго”».¹⁰

⁷ Орлов И. Б. Советская повседневность... С. 71, 72.

⁸ Ибрагимова Д. Х. Нэп и Перестройка: массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997; Соколов А. К. «Создадим единый фронт борьбы против нэпа» (Анализ общественных настроений конца 20-х годов по письмам и откликам рядовых граждан) // Нэп: завершающая стадия. Соотношение экономики и политики. М., 1998. С. 114–159; Яхшиян О. Ю. Собственность в менталитете русских крестьян (Попытка реконструкции на основе материалов исследований русского обычного права, литературных описаний деревенской жизни второй половины XIX — первой четверти XX вв. и крестьянских писем 1920-х гг.) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). С. 92–105.

⁹ Яхшиян О. Ю. Указ соч. С. 100.

¹⁰ Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921–1928 гг.). Тамбов, 2004. С. 115.

В то же время И. Б. Орлов, А. К. Соколов, О. Ю. Яхшиян приходят к выводу о том, что отрицание сельским населением частной торговли нередко отступало перед крестьянским прагматизмом. А. К. Соколов замечает, что на практике многие крестьяне, не склонные к тяжелой работе на земле, находили множество уловок, чтобы использовать выгоду от аренды и получать дополнительный доход, а также сами покупали значительную часть необходимых товаров у частников.¹¹ Справедливость данного вывода подтверждают и материалы опубликованных сегодня источников личного происхождения: писем сельского населения в органы власти,¹² мемуаров и дневниковых записей экономистов и историков — современников нэпа.¹³

В историографии также отмечается различное отношение рабочих к новациям нэпа. С одной стороны, их революционные ожидания социального равенства не оправдались, нэп провоцировал ненависть большей части рабочих к частным предпринимателям — тем, кто, «не работая, наживает капитал», «пьет рабочую кровь». Особо ярко это проявилось на концессионных предприятиях, где вспыхивали серьезные конфликты из-за зарплаты, норм выработки, выплат выходных пособий при массовых увольнениях рабочих, особенно «неудобных».

С другой стороны, квалифицированные рабочие крупных предприятий страны, критикуя экономическую политику государства, высказывали требования относительно большей хозяйственной самостоятельности предприятий, защиты интересов рабочего класса, выступали против «забюрократизированной» привилегированной советско-партийной верхушки. Одним из ярких примеров рабочего недовольства начала нэпа, получившим освещение в историографии,¹⁴ стала «мясни-

¹¹ Соколов А. К. Указ соч. С. 124, 126.

¹² Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997; Крестьянские истории: Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М., 2001; Письма во власть. 1917–1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998; «Социализм — это рай на земле»: Крестьянские представления о социализме в письмах 20-х гг. // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Кн. 3. С. 199–225.

¹³ Веселовский С. Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 113–140; Читая письма Бориса Бруцкуса (письма экономические, политические, домашние) // Евреи в культуре Русского Зарубежья: статьи, публикации, мемуары и эссе. Иерусалим, 1996. Т. 5. С. 244–277.

¹⁴ См.: Гимпельсон Е. Г. Нэп и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000.

ковщина» — массовый протест рабочих Мотовилихинского завода, поддержанный жителями других городов Пермской губернии.

Наряду с этим, исследователи отмечают и факты лояльного отношения рабочих к частному предпринимательству. В частности, Е. Г. Гимпельсон приводит примеры отказа рабочих от повышения зарплаты с целью облегчения финансового положения хозяина предприятия, обращения к властям с просьбой об уменьшении налогов и даже снабжения хозяина деньгами, чтобы поправить его дела.¹⁵ По замечанию И. Б. Орлова, «материалы 20-х гг. позволяют говорить о развитии своеобразного “патернализма”, когда нередко предприимчивый хозяин воспринимался работниками как “добрый отец”». ¹⁶ В свою очередь В. С. Измозик, Ю. И. Кирьянов, С. В. Яров убедительно доказывают, что отношение рабочих к частному предпринимательству в значительной степени было обусловлено межличностными взаимоотношениями между работниками и работодателем, а также экономическим статусом рабочего, нежели сугубо идеологическими убеждениями пролетариата.¹⁷ Факт экономической и бытовой основы большинства социальных конфликтов периода нэпа подтверждается опубликованными документальными материалами.¹⁸

Комплексным исследованием, в рамках которого обобщено отношение различных категорий граждан к нэповским переменам, является монография А. Я. Лившина и И. Б. Орлова.¹⁹ Источниковой основой исследования стали письма и жалобы населения в органы власти, написанные в послереволюционное десятилетие. Анализ материалов позволил авторам не только выявить спектр экономических суждений населения, но и проследить эволюцию мнений граждан о реалиях нэпа. Авторы отмечают, что расширение экономических свобод вело к фор-

мированию рыночного сознания населения. Вместе с тем, по мере нарастания кризисных явлений в нэповской системе, в социуме усиливалось ментальное и культурное отторжение нэпа: частное предпринимательство, нэп, рынок составили негативный ассоциативный ряд с неравенством, безработицей, бюрократией.

В современной историографии разрабатываются вопросы уровня жизни населения и специфики его материально-бытового пространства, которое, с одной стороны, детерминирует поведенческие стереотипы граждан, а с другой — само является результатом реализации определенных экономических стратегий.

Изучение материально-бытового уровня жизни населения 1920-х гг. сегодня ведется на основе статистических данных и материалов бюджетных обследований; документы же личного происхождения используются эпизодически, в качестве иллюстративного материала. Вопросы уровня жизни рабочих освещены в публикациях Л. Н. Бехтерева, А. А. Гагарина, Ю. М. Иванова.²⁰ К изучению проблематики материально-бытового положения молодого поколения и студенчества обращаются Н. Б. Лебина, А. Р. Марков, Е. Э. Платова, С. С. Постников, К. А. Пшенко, А. Ю. Рожков.²¹ Авторы сходятся во мнении, что уровень жизни подавляющего большинства населения в годы нэпа был достаточно низким, а порой и критическим.

Значительное число публикаций посвящено незаконной деятельности, девиантному поведению населения в период нэпа.²² Авторы, ограничиваясь характеристикой бы-

¹⁵ Там же. С. 221; Пахомов С. А. Указ соч. С. 91.

¹⁶ Орлов И. Б. Образ нэпмана в массовом сознании 20-х гг.: мифы и реальность // Новый исторический вестник. 2002. № 6. С. 32.

¹⁷ Измозик В. С. Нэп через замочную скважину: Советская власть глазами советского обывателя // Родина. 2001. № 8. С. 81–87; Кирьянов Ю. И. Стачки и иные трудовые конфликты в советской России в 20-е годы // Россия XXI. 1997. № 9 / 10. С. 80–105; Яров С. В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и Нэп глазами петроградцев. СПб., 1999.

¹⁸ См.: Горячешный и триумфальный город, Петроград: от «военного коммунизма» к Нэпу: документы и материалы. СПб., 2000; Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест: сб. документов. СПб., 2000.

¹⁹ Лившин А. Я., Орлов И. Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002.

²⁰ Бехтерева Л. Н. Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 1920-е годы. Ижевск, 1999; Гагарин А. А. Трудовой коллектив Верх-Исетского завода в 1900–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009; Иванов Ю. М. Положение рабочих России в 20-х — начале 30-х годов // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 28–41..

²¹ Лебина Н. Б. Проблемы социализации рабочей молодежи Советской России в 20–30-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1992; Марков А. Р. Студенчество Петрограда в 1914–1925 гг. (социально-психологический облик): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997; Платова Е. Э., Пшенко К. А. Новое студенчество России: образ жизни. 20-е годы XX столетия. СПб., 1999; Постников С. С. Российское студенчество в условиях новой экономической политики (1921–1927). Тверь, 1997; Рожков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. Краснодар, 2002.

²² См.: Говоров И. В. Советское государство и преступный мир (1920-е–1940-е гг.) // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 143–152; Курицын В. М. Переход к нэпу и проблемы законности: новое прочтение // Право и жизнь. 1992. № 1. С. 140–158; Никулин А. В. Социальный механизм экономической преступности в период нэпа // Труды кафедры истории и философии ТГТУ. СПб., 2003. С. 110–117; Павлов А. Н. Борьба милиции с преступностью в годы нэпа // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 135–145; Угроватов А. П. Нэп и законность (1921–1929 гг.). Новосибирск, 1997.

товых реалий, просто отмечают, что разбои, кражи на предприятиях, теневое предпринимательство и т. п. часто были обусловлены нерешенностью социально-бытовых проблем. К сожалению, на сегодняшний день отсутствует комплексное исследование, где была бы проанализирована взаимосвязь между нелегальными стратегиями поведения граждан в годы нэпа и уровнем их материального благосостояния.

Более углубленное рассмотрение проблематики экономических суждений и стратегий поведения различных категорий советского социума предпринимается в рамках концепции «истории повседневности». В русле этой парадигмы авторы пытаются реконструировать целостную картину повседневных практик, мысле- и жизнедеятельностных стратегий граждан, опираясь на материалы личного происхождения — письма, жалобы, дневниковые записи, — а также используя в качестве источников кино- и фотодокументы, фольклорные материалы.

Одной из первых комплексных работ такого плана стала монография Н. Б. Лебиной, вышедшая в 1999 г. В качестве методологической основы исследования автором была использована система координат «норма—аномалия», реализованная при анализе как эволюции нормативного дискурса периода нэпа, так и трансформации фактической повседневности Ленинграда 1920–1930-х гг. Н. Б. Лебина достаточно подробно останавливается на характеристике бытового и вещевого пространства различных категорий населения, специфика которого была обусловлена как модными веяниями и укоренившимися представлениями о престиже, так и экономическими возможностями советского социума. Введение нэпа обусловило возвращение привычных довоенных бытовых практик и норм (детерминированных желанием экономической стабильности), в русле которых негативно маркировались такие девиации как пьянство, проституция, преступления, самоубийства. Новой осуждаемой «патологией» стало поведение нэпманов, определяемое как «мещанство» и «буржуазный индивидуализм». В то же время Н. Б. Лебина приходит к выводу о том, что, несмотря на аскетизм нормативного дискурса периода нэпа, «основная масса горожан... пока еще во многом придерживалась буржуазных представлений о нормальном и ненормальном в повседневной жизни, что обеспечивалось суще-

ствованием особой «нэповской субкультуры» со свойственными ей элементами политического и экономического плюрализма».²³

На региональном уровне проблематика повседневных экономических стратегий поведения населения затронута в работах Г. В. Андреевского, М. А. Денисовой, Г. Г. Корноуховой, Е. И. Косяковой, Т. П. Хлыниной, В. А. Шаламова и др.²⁴ В частности, в работе Л. Н. Бехтерева представлена реконструкция психологического облика рабочих 1920-х гг. (на материалах заводов Удмуртии).²⁵ Опираясь на значительный объем архивных данных, автор выявляет такие противоречивые особенности экономического сознания рабочих, как коллективизм, стремление к уравнительности, обусловленные крестьянским менталитетом «новых» рабочих, а также заинтересованность в результатах труда, стремление к соблюдению трудовой дисциплины, отличающие кадровых, высококвалифицированных специалистов. Масштабный анализ такой важной составляющей экономических стратегий поведения рабочих, как мотивация труда, предпринят в монографии С. П. Постникова, М. А. Фельдмана.²⁶

Нетривиальный ракурс изучения повседневных жизнедеятельностных стратегий граждан предложен в работах, посвященных жилищной проблематике. Данная тема рассмотрена в публикациях Е. Ю. Герасимовой, М. Г. Мееровича, Т. М. Смирновой, И. В. Утехина. Авторы, раскрывая тему в русле изучения жилищной политики и специфики коммунального быта, сходятся во мнении о том, что жилье являлось инструментом социальной стратификации,

²³ Лебина Н. Б. *Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930-е годы*. СПб., 1999.

²⁴ Андреевский Г. В. *Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (20–30-е годы)*. М., 2003; Денисова М. А. *Повседневная жизнь населения советского провинциального города в 1920-е годы*. (На материалах города Курска): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2010; Корноухова Г. Г. *Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920–1930-е гг.* (На материалах Астраханской области): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; Косякова Е. И. *Городская повседневность Новониколаевска-Новосибирска в 1919–1941: автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Новосибирск, 2006; Хлынина Т. П. *Досуг и быт советского человека образца 1920-х гг. в пространстве истории повседневности: опыт одной реконструкции // Проблемы российской истории*. Вып. 9. Магнитогорск, 2009. С. 209–224; Шаламов В. А. *Образ жизни крестьянства Восточной Сибири в 1920–1930-е гг.: на материалах Иркутской области и Красноярского края*: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2011.

²⁵ Бехтерева Л. Н. *Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х годов // Отечественная история*. 2000. № 2. С. 170–177.

²⁶ Постников С. П., Фельдман М. А. *Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг.* М., 2009.

фактором, определяющим сознание, поведение горожан, их представления о справедливости распределения обязанностей и благ, о частном и публичном.²⁷ «Коммуналка» не заканчивалась порогом: ценности и нормы «коммунальной» психологии переносились и на другие сферы жизнедеятельности советского социума, укрепляя коллективистские начала в ментальных и поведенческих схемах населения.

Актуальным направлением отечественных исследований является реализуемая культурологами реконструкция культурного, вещного пространства советского человека времен нэпа. Данной проблематике посвящены работы М. В. Воробьевой, О. Ю. Гуровой, В. Г. Лебедевой.²⁸ Исследователи рассматривают проблему в русле изучения нормативного дискурса, призванного регламентировать вкусовые пристрастия граждан, а также выявляют специфику потребительских предпочтений, практик и модных веяний нэпа. В качестве источниковой основы исследований авторы опираются на письма, воспоминания, дневниковые записи, фотоматериалы, данные периодической печати, художественные произведения времен нэпа. В. Г. Лебедева более детально останавливается на характеристике культуры потребления нэпманов и приходит к выводу о ее стихийности, автономности и «нечувствительности» к попыткам государственного нормативного регулирования. Потребительские предпочтения нэпманов были ориентированы на довоенный шик и маркировались соответствующими «престижными» атрибутами: кутежами, дорогими нарядами, наличием прислуги.²⁹

Изучение проблематики повседневности реализуется в формате микроистории, в русле

которой на основании писем и дневниковых записей воссоздаются биографии простых людей, в которых более рельефно читаются мотивации их деятельностных стратегий, нормативные и ценностные ориентиры. До сих пор непревзойденным образцом такого исследования являются работы Н. Н. Козловой.³⁰ Биографическое направление развивается и на региональном уровне.³¹

Таким образом, в современной отечественной историографии ментально-деятельностное пространство советских граждан времен нэпа представлено в виде достаточно пестрой картины различных суждений, порой взаимоисключающих стратегий поведения, что вполне точно отражает специфику такого противоречивого и событийно насыщенного периода, как нэп.

С точки зрения историографических итогов можно заключить, что на сегодняшний день экономические суждения и стратегии поведения населения в указанный период в ряде аспектов достаточно изучены. Наиболее детально разработанными являются такие вопросы, как оценка различными категориями советского социума населением мероприятий нэпа, уровень материального благосостояния людей, жилищная политика. В то же время существуют определенные пробелы в освещении темы.

Прежде всего, требуют дальнейшей разработки теоретические основы и методический инструментарий исследования экономических представлений и моделей поведения населения в целом. Каковы факторы и механизмы воздействия на стереотипы мышления человека и его способы действия, на структуру социальной реальности? Представляется необходимым глубокое исследование отношения различных слоев населения к категориям «богатство», «бедность», «социальная справедливость» и т. п.

Во-вторых, обращает на себя внимание фрагментарность исследований по означенной тематике: достаточно детально изученная на материалах центра, на региональном уровне она существенно уступает в географическом и хронологическом плане, что лишает исследователей возможности выявления эволюционных изменений экономических суждений

²⁷ Герасимова Е. Ю. Советская коммунальная квартира как социальный институт: историко-социологический анализ (на материалах Петрограда, Ленинграда), 1917–1991: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000; Меерович М. Г. Власть и жилище (жилищная политика в СССР в 1917–1940 годах) // Вестник Евразии. 2003. № 1. С. 6–66; Смирнова Т. М. Жилищная политика Советской власти в годы нэпа. (По материалам демуниципализации в Москве и Московской губернии) // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2001/2002. М., 2002. С. 276–287; Утехин И. В. Очерки коммунального быта. М., 2004 и др.

²⁸ Воробьева М. В. Городской советский быт: клише идеологии и реальность // Социокультурное развитие города: история и современность. Екатеринбург, 2006. С. 24–40; Гурова О. Ю. От бытового аскетизма к культу вещей: идеология потребления в советском обществе // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Новосибирск, 2005. С. 6–21; Лебедева В. Г. Судьбы массовой культуры России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб., 2007.

²⁹ См.: Лебедева В. Г. Указ. соч. С. 222–226.

³⁰ Козлова Н. Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 112–123.

³¹ См.: Гагарин А. А. Первый «красный директор» Верх-Исетского завода — Н. М. Давыдов: судьба человека (1893–1963) // Вестн. Челябин. гос. ун-та. История. 2007. № 22. С. 163–172.

и стратегий поведения населения, а также не позволяет вскрыть их региональную специфику. При этом, по справедливому замечанию ряда исследователей, в освещении специфики быта (часто в этнографическом ракурсе) населения, наоборот, доминируют региональные работы, что не позволяет выявить сущность советского быта в целом.

В-третьих, существенной проблемой при разработке темы является полнота и репрезентативность источниковой основы исследований. В большинстве случаев авторы опираются на «классические» источники: статистику, материалы бюджетных обследований. Источники личного происхождения (письма, жалобы, дневники) используются в основном в качестве иллюстративного материала, не являются объектом детального конкретно-исторического исследования, отсутствует их системный анализ (исключение составляют работы Д. Х. Ибрагимовой, И. Б. Орлова). При таком подходе исследователи могут реконструировать спектр оценочных суждений и стратегий поведения, но без выявления их доминантных проявлений и эволюционной динамики. В то же время разработка означенной проблематики на микроуровне (исследование биографий), выявляя трансформации ментальных и поведенческих

схем, не дает возможности масштабирования, остается лишь локальным примером описания отдельной жизнедеятельностной стратегии. Альтернативным вариантом видится использование в рамках комплексного исследования различных методов обработки источников личного происхождения при общем расширении источниковой базы. Одним из важнейших ресурсов данного вида источников, на наш взгляд, являются документы, хранящиеся в «Народном архиве».

В сложившейся историографической ситуации перспективным нам представляется изучение взаимообусловленности уровня жизни населения в годы нэпа и выбора моделей экономического поведения; стереотипов и культуры потребления населения города и деревни; экономических взглядов и стратегий поведения различных категорий граждан, прежде всего служащих (военнослужащих в том числе).

Учет перечисленных выше тенденций, на наш взгляд, необходим при дальнейшей разработке проблематики экономических представлений и стратегий поведения населения в годы нэпа, являющихся на сегодняшний день актуальным пространством исследовательского поиска.

Elena A. Igisheva

Doctor of Historical Sciences, Ural State University of Economics (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: teapoli3103@mail.ru

Marina A. Klinova

Candidate of Historical Science, Ural State University of Economics (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: klinowa.m@yandex.ru

**ECONOMIC IDEAS AND BEHAVIORAL STRATEGIES OF THE SOVIET POPULATION
DURING THE NEW ECONOMIC POLICY (NEP) YEARS:
MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY**

The article emphasized the interdisciplinary character of the topic and listed several relevant research approaches. The author drew a conclusion that the issues of the people's attitudes towards the economic policy of the country, including the protest movement, as well as the problems of the quality of life were the best researched subjects. Significantly less attention was paid to the study of the problem on a regional level, as a result of which it was difficult to understand the evolution and the local specifics of economic opinions and the population behavior strategies. On the other hand in the studies of everyday life of the population there was a domination of local research. The degree of the representative quality of sources on the subject was mainly determined by the so-called "classic" sources: statistics, budget review materials. It is necessary to use more actively the materials from private sources: private letters, complaints, diaries. It seems also promising to study the interdependencies between the quality of life of the population during the NEP years and the choice of economic behavior strategies, stereotypes and consumption culture of the urban and the rural population.

Key words: history of Russia, the new economic policy, economic views, the history of everyday life, historiography, the economic strategy of behavior

REFERENCES

- Andreevskiy G. V. *Povsednevnyaya zhizn Moskvy v stalinskuyu epokhu (20–30-e gody)* [Everyday life in Moscow during the Stalin era (20–30 years)]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2003, 480 p. (in Russ.).
- Bekhtereva L. N. *Otechestvennaya istoriya* (Russian history), 2000, № 2, pp. 170–177. (in Russ.).
- Bekhtereva L. N. *Rabochie oboronnoy promyshlennosti Udmurtii v 1920-e gody* [Defense industry workers in Udmurtia 1920]. Izhevsk: UdGU Publ., 1999, 150 p. (in Russ.).
- Esikov S. A. *Krestyanskoie khozyaystvo Tambovskoy gubernii v gody nepa (1921–1928 gg.)* [Peasant farming Tambov province during the New economic policy (1921–1928)]. Tambov: TGTU Publ., 2004, 120 p. (in Russ.).
- Fedotova A. Yu. *Istoricheskoe kraevedenie v Tatarstane* [Local history in Tatarstan] *Materialy nauchnoy konferentsii* [Materials of scientific conference]. Kazan: KGU Publ., 2004, pp. 14–15. (in Russ.).
- Gagarin A. A. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya (Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University. History)*, 2007, № 22, pp. 163–172. (in Russ.).
- Gimpelson Ye. G. *Nep i sovetskaya politicheskaya sistema. 20-e gody* [The New economic policy and the Soviet political system. 20 years]. Moscow: IRI RAN Publ., 2000, 438 p. (in Russ.).
- Govorov I. V. *Voprosy istorii* (Questions of history), 2003, № 11, pp. 143–152. (in Russ.).
- Gurova O. Yu. *Lyudi i veshchi v sovetskoj i postsovetskoj kulture* [People and things in the Soviet and post-Soviet culture]. Novosibirsk: NGU Publ., 2005, pp. 6–21. (in Russ.).
- Ibragimova D. Kh. *Nep i Perestroyka: massovoe soznanie selskogo naseleniya v usloviyakh perekhoda k rynku* [The New economic policy and Restructuring: the mass consciousness of the rural population in the transition to market]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 1997, 223 p. (in Russ.).
- Ivanov Yu. M. *Voprosy istorii* (Questions of history), 1998, № 5, pp. 28–41. (in Russ.).
- Izmozik V. S. *Rodina* (Motherland), 2001, № 8, pp. 81–87. (in Russ.).
- Kamynin V. D., Tsykina (Igisheva) Ye. A. *Problemy politicheskoy i ekonomicheskoy istorii Urala v 20-e gody XX veka v otechestvennoy istoriografii* [Problems of political and economic history of the Urals in the 20-ies of XX century in the national historiography]. Ekaterinburg: UrGU Publ., 2004, 448 p. (in Russ.).
- Khlynina T. P. *Problemy rossiyskoj istorii* [Problems of Russian history]. Magnitogorsk: IRI RAN; MaGU Publ., 2009, Issue 9, pp. 209–224. (in Russ.).
- Kiryanov Yu. I. *Rossiya XXI* [Russia XXI], 1997, № 9–10, pp. 80–105. (in Russ.).
- Kondrashin V. V. *Mentalitet i agrarnoe razvitiye Rossii (XIX–XX vv.)* [Mentality and agricultural development in Russia (XIX–XX centuries)] *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Proceedings of the international conference]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1996, pp. 119–126. (in Russ.).
- Kozlova N. N. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological studies), 1994, № 6, pp. 112–123. (in Russ.).
- Kuritsyn V. M. *Pravo i zhizn* (Law and Life), 1992, № 1, pp. 140–158. (in Russ.).
- Kuryshv I. V. *Korkina sloboda: istoriko-kraevedcheskiy almanakh* [Korkin sloboda: local history almanac]. 2001, Issue 3, pp. 22–35. (in Russ.).
- Lebedeva V. G. *Sudby massovoy kulturey Rossii. Vtoraya polovina XIX — pervaya tret XX veka* [The fate of Russian popular culture. The second half of XIX — early XX century]. St. Petersburg: SPbU Publ., 2007, 226 p. (in Russ.).
- Lebina N. B. *Povsednevnyaya zhizn sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930-e gody* [Daily life of the Soviet city: Standards and anomalies. 1920–1930]. St. Petersburg: Neva; Letniy Sad Publ., 1999, 320 p. (in Russ.).
- Livshin A. Ya., Orlov I. B. *Vlast i obshchestvo: Dialog v pismakh* [Power and society: Dialogue in the letters]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2002, 208 p. (in Russ.).
- Meerovich M. G. *Vestnik Evrazii* (Acta Eurasica), 2003, № 1, pp. 6–66. (in Russ.).
- Moskovkin V. V. *Voprosy istorii* (Questions of history), 1998, № 6, pp. 46–65. (in Russ.).
- Narskiy A. I. *Zhizn v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in the crash: Weekdays Ural population in 1917–1922]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001, 632 p. (in Russ.).
- Nikulin A. V. *Trudy kafedry istorii i filosofii TGTU* [Proceeding of the Department of History and Philosophy TGTU]. St. Petersburg: Nestor Publ., 2003, pp. 110–117. (in Russ.).
- Orlov I. B. *Armageddon: aktualnye problemy istorii, filosofii, kulturologii* [Armageddon: actual problems of history, philosophy, cultural]. Moscow: Signal Publ., 1999, pp. 85–96. (in Russ.).
- Orlov I. B. *Chelovek v rossiyskoj povsednevnoy zhizni* [Man in Russian everyday life]. Moscow: STI MGU Publ., 2001, pp. 147–156. (in Russ.).
- Orlov I. B. *Novyy istoricheskiy vestnik* (The New Historical Bulletin), 2002, № 6, pp. 29–42. (in Russ.).
- Orlov I. B. *Sovetskaya povsednevnost: istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekty stanovleniya* [Soviet everyday life: historical and sociological aspects of the formation]. Moscow: GU Publ., 2008, 317 p. (in Russ.).
- Pavlov A. N. *Voprosy istorii* (Questions of history), 2004, № 10, pp. 135–145. (in Russ.).
- Petryanina L. Yu. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* (Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences), 2009, № 96, pp. 58–62. (in Russ.).

- Platova Ye. E., Pshenko K. A. *Novoe studenchestvo Rossii: obraz zhizni. 20-e gody XX stoletiya* [New Russian students: lifestyle. 20 years of the XX century]. St. Petersburg: SPbU Publ., 1999, 332 p. (in Russ.).
- Postnikov S. P., Feldman M. A. *Sotsiokulturnyy oblik promyshlennykh rabochikh Rossii v 1900–1941 gg.* [Sociocultural appearance of industrial workers in Russia in 1900–1941 years.]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009, 370 p. (in Russ.).
- Postnikov S. S. *Rossiyskoe studenchestvo v usloviyakh novoy ekonomicheskoy politiki (1921–1927)* [Russian students in the New economic policy (1921–1927)]. Tver: TGU Publ., 1997, 188 p. (in Russ.).
- Poznanskiy V. S. *Sotsialnye kataklizmy v Sibiri: golod i epidemii v 20–30-e gg. XX v.* [Social upheavals in Siberia: hunger and disease in 20–30 years XX century]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2007, 307 p. (in Russ.).
- Rozhkov A. Yu. *V krugu sverstnikov: Zhiznennyy mir molodogo cheloveka v Sovetskoy Rossii 1920-kh godov* [In the circle of peers: The life of a young man in the world of Soviet Russia of the 1920s]. Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya Publ., 2002, 296 p. (in Russ.).
- Smirnova T. M. *Yezhegodnik istoriko-antropologicheskikh issledovaniy. 2001/2002* [Yearbook of historical and anthropological research. 2001/2002]. Moscow: Ekon-Inform Publ., 2002, pp. 276–287. (in Russ.).
- Sokolov A. K. *Nep: zavershayushchaya stadiya. Sootnoshenie ekonomiki i politiki* [The new economic policy: the final stage. The ratio of the economy and politics]. Moscow: IRI RAN Publ., 1998, pp. 114–159. (in Russ.).
- Tarasenko V. N. *Servis v Rossii i za rubezhom (Services in Russia and abroad)*, 2013, № 2, pp. 161–171. (in Russ.).
- Ugrovatov A. P. *Nep i zakonnost (1921–1929 gg.)* [The New economic policy and the legitimacy (1921–1929.)]. Novosibirsk: Sovetskaya Sibir Publ., 1997, 106 p. (in Russ.).
- Utekhin I. V. *Ocherki kommunalnogo byta* [Essays on communal living]. Moscow: OGI Publ., 2004, 277 p. (in Russ.).
- Veselovskiy S. B. *Voprosy istorii* (Questions of history), 2000, № 10, pp. 113–140. (in Russ.).
- Vorobeva M. V. *Sotsiokulturnoe razvitie goroda: istoriya i sovremennost* [Socio-cultural development of the city: history and modernity]. Ekaterinburg: Uralskiy institut sotsialnogo obrazovaniya Publ., 2006, pp. 24–40. (in Russ.).
- Yakhshiyan O. Yu. *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.)* [Mentality and agricultural development in Russia (XIX–XX centuries)] *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Proceedings of the international conference]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1996, pp. 92–105. (in Russ.).
- Yarov S. V. *Gorozhanin kak politik. Revolyutsiya, voennyi kommunizm i nep glazami petrogradtsev* [Townsperson as a politician. Revolution, War communism and the New economic policy eyes Petrograders]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1999, 320 p. (in Russ.).